
Аура
Девочка
Демон
Том первый — Часть вторая
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+
Евгений Дмин

Евгений Дубин

Аура: Девочка-демон. Том 1. Часть 2

«Автор»
2026

Дубин Е. А.

Аура: Девочка-демон. Том 1. Часть 2 / Е. А. Дубин — «Автор», 2026

Иногда даже самое холодное сердце способно согреться. Но какой ценой? Йорен Рейкон давно перестал верить в доброту этого мира. Потеряв семью, он научился скрывать свои чувства за маской равнодушия, полагаясь лишь на собственные силы.Но однажды в его жизни появляется Мита — маленькая Розовая Аура с добрым сердцем, искренней улыбкой и удивительным желанием всегда оставаться рядом.Однако за внешним спокойствием Йорена скрываются болезненные воспоминания, а впереди их ожидают испытания, способные навсегда изменить обоих.Сможет ли маленькая Аура растопить сердце человека, который давно разучился доверять? И что окажется сильнее: могущественная магия или искренняя готовность защитить того, кто стал тебе дорог?История о доверии, дружбе, потерях и маленькой Ауре, чья доброта способна изменить чужую судьбу.Продолжение тёмного фэнтези «Аура: Девочка Демон».Том первый. Часть вторая.

© Дубин Е. А., 2026
© Автор, 2026

Евгений Дубин
Аура: Девочка-демон. Том 1. Часть 2

Глава 1

Забытые чувства прошлого

◆

— Сокрытие врат: Грань Поглощённого Заката!

Последние слова Золкариона ещё звучали над истерзанным полем, когда у самой кромки леса пропал свет. Не погас — исчез, словно кто-то вырезал кусок ночи вместе с деревьями. Следом чёрное небытие выступило из земли, но не ровной стеной: с разных сторон потянулись рваные полосы тьмы. Одна поглотила воронку, другая взобралась по стволам, третья накрыла звёзды. Между ними ещё на мгновение оставались клочки знакомого мира.

— Что с небом?.. — прошептала Миюри.

— Всем держаться вместе! — приказала Миюки. Она потянулась к товарищам, но даже её голос будто проваливался в темноту.

Земля под ногами дрогнула. Тьма сомкнулась не сразу: поле, лес и ночное небо исчезали порознь, пока вокруг Аур не осталось ничего, кроме чёрного пространства. В следующий миг его рассекла ослепительная вспышка.

Когда зрение вернулось, они стояли уже не на поле битвы.

Рис 1.

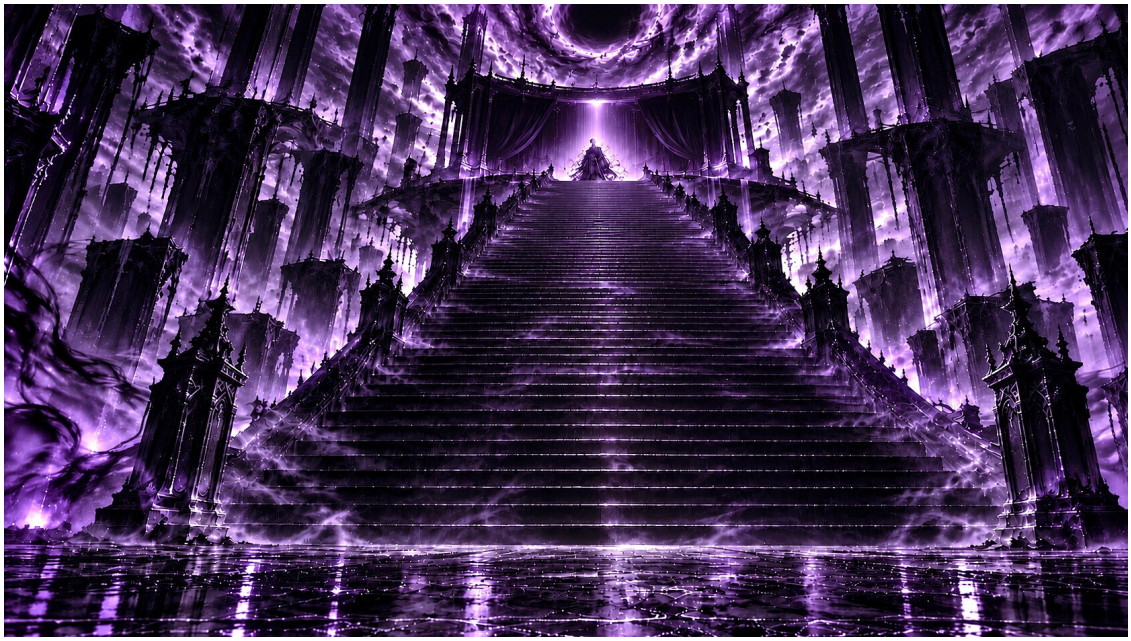

Рис 1. Территория Врат Золкариона. Трек фона: CELESTIAL (Tiktok Version) - KIRXSHA

Под ногами простиралась гладкая, почти зеркальная поверхность, будто застывшее небытие. В ней мерцали тусклые фиолетовые отблески. Прямо впереди начиналась лестница — невероятно широкая у основания, с неисчислимыми ступенями, уходившими так высоко, что верхняя площадка казалась частью далёкого неба. Каждая ступень словно была выточена из самой тьмы; по её краям струился редкий призрачный свет.

По обе стороны вздымались чёрные колонны, арки и многоярусные галереи. Часть из них висела в пустоте, не соединяясь ни с полом, ни друг с другом. Над всем этим медленно вращались тяжёлые фиолетовые облака, сходясь в огромный вихрь. Пространство не имело видимых границ: сколько ни всматривайся по сторонам, за последним рядом колонн возникали новые.

На вершине лестницы возвышалась небольшая по сравнению с этой бесконечной архитектурой театральная сцена. Тёмные кулисы колыхались без ветра, словно тоже были живыми. В центре верхней площадки, под узким лучом багрово-фиолетового света, неподвижно стоял Золкарион. На таком расстоянии он должен был казаться едва заметной фигурой — и всё же каждый видел, куда направлен его взгляд, а его голос впоследствии звучал так ясно, будто Предвестник находился совсем рядом.

Мидзуки сразу поняла, что произошло. «Сокрытие врат» не накрыло поле иллюзией: Золкарион перенёс их в отдельную реальность, где сам определял устройство пространства и его законы. Лестница, театр, бесконечные галереи — всё здесь было создано его тьмой.

Несколько мгновений никто не произносил ни слова. В этой безмерной тишине даже собственное дыхание казалось чужим.

Мидзуки Огава с трудом выпрямилась. На миг ей показалось, что земля уходит из-под ног. Она сделала шаг — и опустилась на одно колено, уперев ладонь в холодный чёрный пол. Боль отозвалась во всём теле. Дыхание сбилось, но взгляд оставался ясным.

Рис 2.

Рис 2. Тяжело раненая Мидзуки. Трек фона: CELESTIAL (Tiktok Version) - KIRXSHA

Неподалёку держались воительницы Девятнадцатого отряда. Миюки с усилием прижимала ладонь к раненому плечу и не сводила глаз с противника. Хонока сохранила оружие в руке. Миэла стояла на полшага впереди остальных, и по тому, как побелели её пальцы, было ясно: ещё одно слово Золкариона — и она сорвётся. Санами то и дело оглядывалась на товарищей. Миюри пыталась унять дыхание, скрывая дрожь в коленях.

Юджин молчал. Он чувствовал, как медленно возвращаются крупицы потраченной жизненной энергии, но этого было недостаточно, чтобы снова вступить в затяжной бой.

Высоко над ними, посреди театральной сцены, стоял Золкарион.

Одежда Девятого предвестника была на удивление целой и невредимой. На коже не было следов недавних ударов, однако держался он так, словно происходящее лишь немного его утомило. Он оглядел выживших, задержался взглядом на Мидзуки и улыбнулся.

Не той улыбкой, к которой она привыкла.

В ней не было ненависти.

Золкарион медленно склонил голову. Улыбка оставалась на месте, а спокойствие в его взгляде казалось почти неестественным.

Рис 3.

Рис 3. Представление начинается. Трек фона: CELESTIAL (Tiktok Version) - KIRXSHA

— Мидзуки Огава, моя дорогуша… — произнёс он почти ласково. — Какая славная вышла битва! Ты и впрямь постаралась. Не скрою, даже я получил удовольствие.

Мидзуки подняла голову. Её ладонь всё ещё упиралась в гладкую поверхность, от которой веяло ледяным холодом.

— Если закончил любоваться собой, убирайся.

— Ох, какая строгость! — Золкарион приложил руку к груди. — А я ведь хотел сделать тебе комплимент. Хотя… есть кое-что, что меня огорчает.

Он чуть прищурился, внимательно разглядывая её лицо.

— С каждой нашей встречей ты становишься слабее, Мидзу, солнышко. Всё заметнее. Всё печальнее. Куда же девается та грозная Властительница, за которой мне когда-то приходилось гоняться? Бедняжка, должно быть, совсем измучилась.

Мидзуки невольно сглотнула. Его слова задели именно потому, что она и сама давно замечала перемены. Отрицать их перед собой становилось всё труднее. Но сейчас, перед Золкарионом, она не позволила бы себе опустить взгляд.

Рис 4.

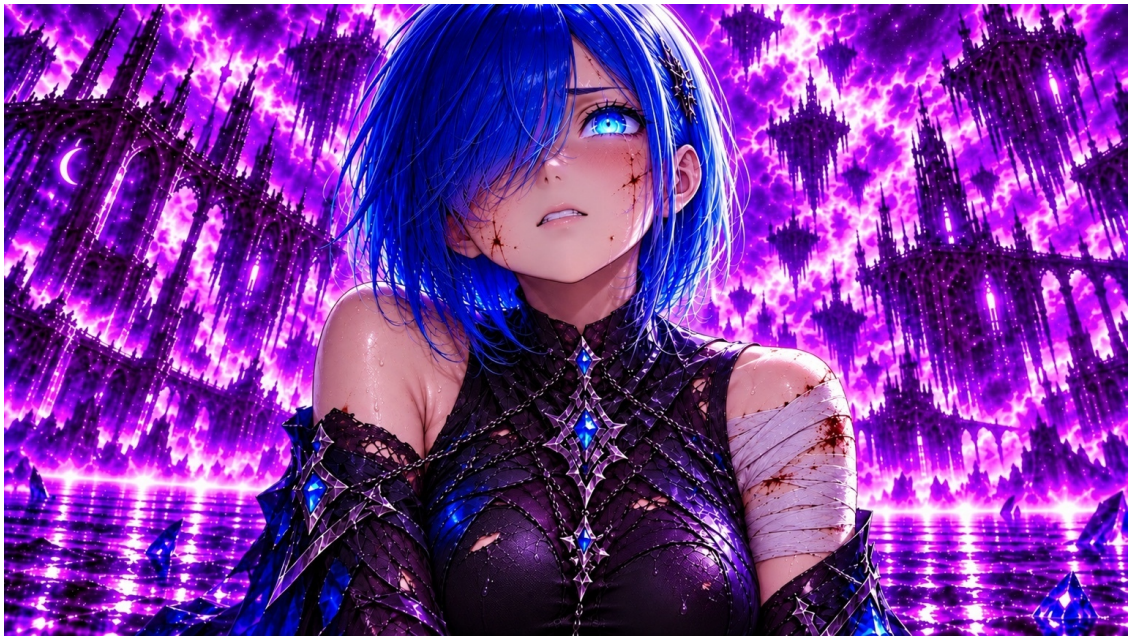

Рис 4. Принятие своей слабости. Трек фона: CELESTIAL (Tiktok Version) - KIRXSHA

— А ты всё ещё прячешь угрозы за шутками, — сказала она. — Ничего нового.

— Ох, Мидзу… — Золкарион тихо рассмеялся. Улыбка стала шире, почти безумной, но в глазах по-прежнему не было ненависти.

Рис 5.

Рис 5. Безумие Золкариона. Трек фона: CELESTIAL (Tiktok Version) – KIRXSHA

— Именно поэтому встречи с тобой так увлекательны. Даже когда ты едва стоишь, стараешься ужалить меня побольнее.

Он вдруг перевёл взгляд за её плечо.

— А вот и наш неожиданный главный герой. Юджин Ехиро.

Юджин напрягся. Золкарион произнёс его полное имя так, будто зачитывал название давно подготовленной пьесы.

— Тебе-то от меня что нужно?

— Ты! — Предвестник искренне развеселился. — О, Юджин, если бы ты только представлял, насколько ты мне нужен! Из всех моих опытов именно ты оказался самым удачным и ценным. Моим лучшим экспериментом.

Юджин почувствовал, как неприятно похолодело внутри.

— Экспериментом?.. Запомни: я тебе не вещь!

— Разумеется, — мягко согласился Золкарион. — Вещи обычно не разговаривают. И уж точно не оказываются способны приблизить меня к главной цели всей моей жизни.

Он умолк, словно сказал больше, чем намеревался. Но вместо объяснений лишь улыбнулся. Что это была за цель, он раскрывать не собирался.

— Даже не понимаю, к чему ты клонишь, — процедил Юджин.

— Пока не понимаешь, — поправил Золкарион. — И это делает всё ещё интереснее.

Улыбка исчезла так внезапно, что перемену заметили даже стоявшие поодаль воительницы. Его взгляд стал холодным. Он посмотрел на Марту.

— Марта Хикагури. А вот твоего появления в нашей маленькой опере я, признаться, не ожидал.

Марта не шелохнулась.

— Жалеешь, что пригласил не тех зрителей? — спросила она без выражения.

— Напротив. Твоё выступление оказалось самым неожиданным. «Огненная Санса»… — Он медленно произнёс название, словно пробуя его на вкус. — Прекрасная, смертельная атака. Ты действительно убила меня, Марта. К счастью для меня, я успел возродиться в то же мгновение, когда она меня настигла. Правда, почти вся оставшаяся энергия ушла на это. Признаю: удивила.

Юджин резко посмотрел на Марту. Возродиться? Значит, удар, которым она едва не закончила бой, Золкарион пережил только благодаря этой способности? Он не знал ни её пределов, ни того, как дорого она обошлась Предвестнику.

— Но вот что забавно… — продолжил Золкарион. — Я помню Микасу Хикагури. Первую богиню Красных Аур. Великую. Могучую. От одного её имени содрогались армии.

Он чуть наклонился вперёд.

— А передо мной стоит её внучка. И как ни стараюсь, вижу лишь жалкую тень. До собственной бабушки тебе действительно далеко, Марта. Непозволительно далеко. Просто отброс, возомнивший себя наследницей легенды.

Рис 6.

Рис 6. Богини Первой и Второй эпох. Трек фона: CELESTIAL (Tiktok Version) - KIRXSHA

Марта сглотнула, едва заметно напрягши челюсть. Её лицо осталось холодным, но слова попали в больное место. Она не дала ему удовольствия увидеть что-либо ещё.

— Марта… — негромко позвал Юджин.

Она повернула голову. На миг их взгляды встретились. Юджин хотел спросить, что имел в виду Золкарион, но в её глазах не было готовности объяснять. Обида после их ссоры никуда не исчезла. Марта отвернулась к Предвестнику.

— Закончил? — коротко спросила она.

— Почти, дорогая. В опере должно хватить внимания каждому действующему лицу.

Золкарион развёл руки, обращаясь к воительницам Девятнадцатого отряда.

— А вы! Девятнадцатый отряд Разведкорпуса. Признаюсь, один из наиболее занимательных актов сегодняшнего представления. Несколько раз вы меня даже удивили.

Миюки выпрямилась, несмотря на раненое плечо.

— Мы ещё стоим перед тобой. Для тебя этого мало?

— Стоите, — легко согласился Золкарион. — Только отчего же маги высшего уровня напоминают растерянную толпу? Поодиночке — впечатляющие способности. Вместе — бесконечные сомнения, поспешные решения и страх ошибиться. Каждый старается быть героем, а друг другу вы едва успеваете помогать.

Санами опустила глаза лишь на мгновение — и тут же рассердилась на себя за это. Миюри крепче перехватила оружие. Миэла шагнула вперёд, но Хонока удержала её лёгким движением руки. Миюки ничего не ответила: слова были несправедливо жестоки, однако в некоторых ошибках боя Золкарион действительно успел их уличить.

— Мы хотя бы не прячемся за чужими страданиями, — бросила Миэла.

— Ах, Миэла… — Он усмехнулся, но не удостоил её полноценным взглядом. — Как приятно, когда актёры сами просятся на бис.

Мидзуки подняла голову выше.

— Оставь их. Ты пришёл за мной.

— За тобой? — Золкарион посмотрел на неё снова. — О, Мидзу. Мне очень хотелось бы покончить с тобой сегодня. Но разве это была бы наша схватка? Ты ранена, твои защитницы только и ждут, чтобы вмешаться. Нет. Однажды мы встретимся без чужих клинков. Ты — в полную силу. Я — без необходимости торопиться.

— Ты рассуждаешь о честности? — Миэла не выдержала.

— О подходящей развязке, — ответил он. — Честность оставим тем, кто ещё верит в красивые слова.

Мидзуки смотрела на него и не могла отделаться от странного чувства. Золкарион говорил о её смерти почти без ненависти, будто обсуждал отложенное представление. Она знала его слишком давно, чтобы не испугаться такой перемены.

— Значит, сбегаешь? — спросила она.

— Отнюдь. Просто меня ждут с докладом. Некоторые вести не терпят промедления. — Золкарион чуть поклонился, словно занавес уже опускался. — А вам пора получить прощальный подарок.

Мидзуки побледнела. Она заметила, как его пальцы начали складываться в знакомую, ненавистную ей ритуальную печать.

— Нет… Только не это!

Куронами мгновенно повернулась к ней.

— Мидзуки? Что он делает?

— Остановите его! — Мидзуки попыталась подняться, но колено подогнулось. — Не дайте закончить печать!

Золкарион вновь смотрел только на неё.

— Помнишь ту воительницу из Первой эпохи? — спросил он негромко. — Ты столько раз пыталась изменить её судьбу. И каждый раз была уверена, что на этот раз успеешь.

Мидзуки на мгновение увидела перед собой лицо погибшей воительницы.

Рис 7.

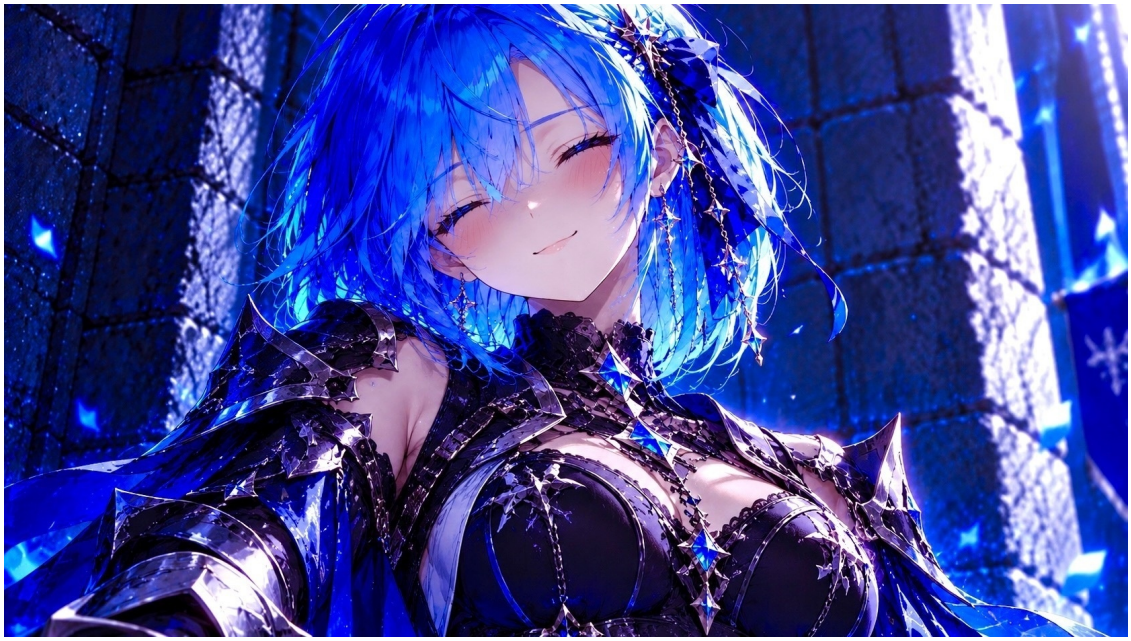

Рис 7. Погибшая воительница. Трек фона: CELESTIAL (Tiktok Version) - KIRXSHA

Её голос, последнюю просьбу о помощи. То отчаянное мгновение, когда спасение казалось уже совсем близко.

— Золкарион…

— Что такое, моя дорогуша? — Его улыбка стала тонкой, почти нежной. — Боишься вновь услышать, как кто-то зовёт тебя, а ты не можешь дотянуться?

Мидзуки стиснула зубы. Она ненавидела, что он помнит этот крик так же хорошо, как она сама.

— Тогда начнём. В конце концов, старые трагедии заслуживают второго выхода на сцену.

Его пальцы сошлись в последнем движении ритуальной печати.

Он продолжал смотреть на Мидзуки. Она — на него.

— Коде 9. Переплетение минувших судеб.

По зеркальному полу потянулись рваные, ещё более чёрные провалы. Они вползали на нижние ступени; за ними целые пролёты лестницы исчезали без звука. Дальние колонны распались на длинные тёмные полосы, театральные кулисы над Золкарионом растворились в небытии. Это уже не были новые врата: внутри созданной им реальности пробуждалось коде 9, готовое разорвать привычный мир на чужие воспоминания.

— Назад! — скомандовала Миюки, отступая к товарищам.

— Куда отступать?! — Санами обернулась. — Оно сзади тоже! А если мы уже внутри и даже не заметили?..

— Санами. Держись рядом, — отрезала Миюки.

— Мидзуки, что это? — Куронами склонилась к ней. — Это сильнейшая техника?

— Одна из самых страшных. — Мидзуки вынудила себя выпрямиться. — Я уже попадала в коде 9. Тогда меня перенесло в прошлое другой Ауры. Я видела её живой. Говорила с ней. Пыталась спасти.

Она перевела дыхание.

— Я меняла решения, пути, ход сражения. Иногда мне казалось, что всё удалось. Но обстоятельства складывались заново — и она всё равно погибала. Запомните: внутри можно дотронуться до человека, можно ранить врага и даже спасти кого-то на время. Только прошлую трагедию сама техника не даст отменить. А магия будет тратить вашу настоящую жизненную энергию. Берегите её!

— Осознать себя — как? — спросил Юджин.

— Ты носишь частицу души Элинэи, — ответила Мидзуки, с трудом переводя дух. — Её свет способен отличить настоящую реальность от ловушки и разрушить её. Попробуй почувствовать себя не там, куда тебя бросит техника, а здесь. Попробуй проснуться, Юджин. Но не истощи себя раньше времени.

— Запомните ещё одно, — успела добавить она. — Вы не сможете отвечать друг другу, если окажетесь наблюдателями. Не тратьте силы на то, чтобы кричать сквозь чужие глаза. Сначала разберитесь, где вы.

Небытие уже поднялось над их коленями. Последние очертания лестницы растворялись вокруг.

Марта стояла спокойно. На её лице не отражалось ни паники, ни удивления. Она прислушивалась не к голосам — к едва уловимой нити магии, оставленной ею на Золкарионе ещё во время «Огненной Сансы».

Нить вдруг натянулась. Затем стремительно истончилась.

И исчезла.

— Он ушёл, — ровно сказала Марта.

Юджин повернулся к ней.

— Откуда знаешь?

— Во время «Огненной Сансы» я оставила на нём метку. Пока он был рядом, я чувствовала её. — Марта медленно сжала пальцы. — Только что след исчез. Он не просто вышел из врат. Он уже далеко.

— Значит, он бросил нас здесь?.. — Миюри сглотнула. — А мы… мы куда попадём?

— Пока не узнаем, — ответила Хонока. Слова прозвучали ровно, но она слишком крепко сжимала рукоять.

Санами судорожно втянула воздух.

— А если там мы забудем имена?.. — Санами обхватила себя за локти. — Или окажемся порознь? А если кто-нибудь погибнет, а мы так и не узнаем?..

— Санами, слушай мой голос, — твёрдо сказала Миюки. — Ты здесь. Мы рядом. Не давай страху решать за тебя.

Но последние слова Миюки прозвучали глухо, будто она говорила из-под воды.

Мидзуки не могла забыть последний взгляд Золкариона: прежде чем исчезнуть, он смотрел только на неё. Ни вызова, ни ненависти. И от этого спокойствия ей было страшнее, чем от всех его прежних угроз.

Юджин же больше не смотрел туда, где стоял предвестник.

Он увидел Марту.

Марта стояла неподвижно и смотрела прямо ему в глаза.

Рис 8.

Рис 8. Марта и Юджин. Трек фона: CELESTIAL (Tiktok Version) - KIRXSHA

Обида после их ссоры не исчезла. В её взгляде не было ни приглашения, ни прощения. Юджин не отвёл глаз — и не нашёл слов, которые мог бы сказать.

Они лишь смотрели друг на друга, пока небытие не поднялось выше плеч.

А потом исчезло всё.

◆◆◆

Солнце ударило в глаза так ярко, что Юджин зажмурился.

На миг он потерялся между ночным кошмаром и ясным днём.

Он стоял между двумя невысокими зданиями, расположенными почти вплотную друг к другу. Узкая полоска земли под ногами была покрыта густой травой. По обе стороны тянулись тёплые на вид стены, впереди открывался залитый солнцем проход.

Ни воронок. Ни чужой тьмы. Ни запаха гари. Только птичий щебет и тепло камня, нагретого за день.

Он осторожно сделал несколько шагов.

Что это за место?..

За углом послышался детский смех. Мимо прохода промчалась небольшая стайка детей — Красных Аур. Кто-то звал остальных, кто-то смеялся, едва удерживаясь на ногах после резкого поворота.

И только одна девочка вдруг остановилась.

Юджин не сразу поверил собственным глазам.

Девочка была совсем маленькой. У стены она остановилась и разглядывала незнакомца с серьёзным любопытством, словно пыталась понять, где уже могла его видеть.

Рис 9.

Рис 9. Малышка Марта.

— Марта?.. — Имя сорвалось с губ Юджина раньше, чем он сумел его удержать.

Девочка перестала улыбаться на миг — исключительно от удивления.

— А мы знакомы? — спросила она. — Я, может, запомнила бы.

Он осторожно приблизился и опустился на одно колено. Перед ним были знакомые черты, но взгляд — совсем чужой: открытый, живой, без тени привычной строгости.

— Прости. Просто ты похожа на одну мою знакомую. А как тебя зовут?

Девочка задумчиво осмотрела его с головы до ног. Затем приставила к уголкам рта два указательных пальца и растянула собственную улыбку ещё шире.

Рис 10.

Рис 10. Марта с милой улыбкой.

— У тебя лицо такое, будто ты потерял что-то важное. — Она тронула пальцами уголки собственных губ, заставляя их улыбнуться. — Вот смотри. Так легче?

— Мне?.. — Юджин невольно смутился.

— Милый, — заключила Марта. И сама осталась совершенно довольна своим выводом.

— Э-э-э… В смысле?!

Девочка залилась смехом. Не сдержанным смешком взрослой Марты, а звонким детским смехом, от которого Юджину вдруг стало тепло и странно грустно.

— Марта Хикагури! — объявила она, наконец вспомнив о вопросе. — А теперь твоя очередь.

— Юджин.

— Ю-джин, — с интересом повторила она. — Красивое имя. А я стану богиней Красных Аур! Представляешь? Самой лучшей и самой доброй!

— Прямо так и говорят?

— Не вслух, — доверительно сказала девочка. — Думают, я маленькая и ничего не слышу. А я всё слышу! Только не рассказывай никому, ладно?

Юджин посмотрел на неё внимательнее.

Значит, правда. Это прошлое Марты.

— Ты опять серьёзный! — возмутилась девочка, а потом протянула ему ладонь. — Пойдём. Мне одной воду не донести.

Он взял её за руку.

Тепло детской ладони было неожиданно настоящим. Юджин неловко выдохнул — взрослая Марта не позволила бы ему взять себя за руку вот так, просто по дороге к роднику.

Её пальцы были маленькими и тёплыми. Под ногами похрустывал песок, солнечный воздух пах травой и нагретым деревом. Если это ловушка, то она ощущалась настоящей до каждой мелочи.

— Ты идёшь? — Марта потянула его за собой.

— Да я иду. Только… не беги так быстро.

— А ты взрослый! — удивилась Марта. — Взрослым вообще-то положено поспевать за детьми.

— Иду.

Где-то далеко, по ту сторону этого счастливого дня, словно из-под толщи воды, прозвучал чужой голос:

— Юджин?.. Ты меня слышишь?

Кирин.

Она попыталась сделать шаг — и с ужасом обнаружила, что у неё нет собственной дороги под ногами. Она видела всё, что видел Юджин: маленькую ладонь в его руке, солнечные стены, траву. Стоило ему повернуть голову — и мир поворачивался вместе с ним.

— Что это?.. — прошептала она. — Я смотрю его глазами?

Он не отозвался.

— Юджин!

Никакой реакции.

Кирин замолчала. Юджин продолжал идти, не заметив её слов. Всё, что ей оставалось, — смотреть его глазами и пытаться понять правила новой реальности.

◆◆◆

Родник бил из-под гладкого каменного выступа за низкими домами. В прозрачной воде подрагивали отражения облаков; на траве кто-то оставил несколько деревянных вёдер.

— Нам всем велели принести воды, — Марта указала на пустую тропинку. — Но они сбежали играть. И теперь будут говорить, что это я всех увела!

— А ты разве виновата?

— Не-а! — возмутилась Марта и после паузы добавила: — Ну… я первая сказала: «Побежали». Но потом вспомнила про воду. Это ведь считается?

Юджин поднял два ведра.

— Тогда считай, что тебе прислали подкрепление.

— Вот и прекрасно! — Девочка захлопала в ладоши. — Я — командир, а ты — самый сильный носильщик воды. Супер!

— Повышение внушительное.

— Ещё как! Хорошего носильщика ещё поискать надо.

Пока Юджин наполнял вёдра, Марта усадила на плоский камень плюшевого медвежонка.

— Это Доми, — представила она его с важным видом. — Мама подарила. Он всё знает, только никому не рассказывает.

Марта усадила медвежонка перед Юджином и посмотрела так строго, словно без ответа их знакомство не могло продолжаться.

— Ну здравствуйте, Доми, — покорно сказал он. — Надеюсь, мы станем хорошими друзьями, как и с Мартой.

Марта тут же улыбнулась.

— Он согласен, — тут же решила Марта. — Я вижу по ушам.

— Прекрасный друг. Особенно для секретов.

— Только Азуки иногда разговаривает за него и рассказывает мои секреты. — Марта нахмурилась. — Доми бы никогда так не сделал. Я верю в это.

Юджин тихо рассмеялся.

— Сколько у тебя сестёр?

— Две! Аканэ — самая старшая. Строгая. Вот прямо как ты сейчас! — Марта нахмурила брови, подражая сестре. — Но, если мне больно, сразу прибегает. Азуки — средняя, и у неё нет ни капельки жалости к моим щёкам. Вечно их щиплет! И дразнится, но я её люблю.

— И что ты ей ответила?

— Что он уже ходит, только когда никто не смотрит!

Она захохотала над собственной шуткой, едва не уронив игрушку в воду. Юджин вовремя придержал медвежонка.

— Осторожно, командир. У нас тут спасательная операция как бы.

— Доми плавать не умеет! — серьёзно подтвердила Марта и прижала его к себе.

Родник журчал так мирно, что оба ненадолго замолчали. Юджин не спешил нарушать тишину: ему хотелось подольше видеть Марту такой, какой он её никогда не знал.

У Юджина на языке вертелось множество вопросов о взрослой Марте. Он не задал ни одного: маленькая ещё не успела прожить их ответы.

— Я очень люблю сестёр, — сказала Марта уже тише. — И маму. Даже когда они меня не пускают гулять далеко.

— Почему не пускают?

Девочка потёрла нос.

— Потому что я потом стану богиней. Мне не всё можно рассказывать другим. — Марта водила пальцем по уху медвежонка. — Иногда кажется, будто все боятся чего-то из-за меня. А я ведь ничего плохого не сделала.

Юджин присел рядом, чтобы не смотреть на неё сверху вниз.

— Нет, — ответил Юджин. — И то, что взрослые тревожатся, не делает тебя виноватой.

— Мама тоже так говорит. — Девочка прижала к себе Доми. — И говорит, что бережёт меня. Я ей верю. Почти всегда слушаюсь.

Юджин подал ей крышку для ведра.

— Тогда пойдём, пока ты снова не забыла о поручении.

— Слушаюсь, носильщик! — с достоинством ответила Марта.

На обратной дороге он нёс вёдра, а она шла рядом, прижимая к себе Доми и то и дело проверяя, не выплеснулась ли вода.

Когда она отвлеклась на пролетевшую бабочку, Юджин задержался на шаг.

Его взгляд упал на свободную ладонь.

Если здесь можно дотронуться до Марты… может быть, и её катану получится призвать?

Он вспомнил Катану Кровавой Луны — оружие, которое видел в руках взрослой Марты.

А была ли Катана Кровавой Луны у Марты в те годы? И почему он вообще решил, что артефакт послушается именно его?

Юджин негромко произнёс название артефакта.

Ничего не произошло.

Он попробовал сосредоточиться сильнее. Пальцы напряглись, но ладонь осталась пустой.

Глупо. Даже самому себе он не мог объяснить, для чего сейчас понадобилось оружие.

— Юджин! — окликнула Марта. — Ты идёшь или решил остаться с водой жить?

Он поспешил за ней, стараясь не показывать растерянности.

— Уже иду, командир.

— Спасибо, моя радость!

На следующем шаге ведро в его руке стало невесомым.

Юджин посмотрел вниз.

Ведра не было.

Край ближайшего дома вытянулся, будто его отражали в кривом зеркале. Деревья распались на тёмные вертикальные полосы. Солнце ещё светило — и уже не освещало ничего.

— Марта?..

Он попытался обернуться к девочке — и не успел.

Весь мир беззвучно перестроился.

◆◆◆

Теперь перед ним раскинулся сад у главного здания клана Хикагури. Свет лежал на дорожках ровными золотыми полосами. На широком крыльце сидела Марта, покачивая ногами и рассматривая что-то вдали.

Увидев Юджина, она сразу освободила ему место.

— О! А я тебя жду. Иди-ка сюда!

Он оглянулся. Где родник? Где ведра? Только что они шли по дороге — теперь не осталось даже самой дороги.

Не прошло и минуты, а он оказался в другом дне. Значит, коде 9 показывает не цельное прошлое — только выбранные обрывки.

Юджин закрыл глаза.

«Попытайся проснуться», — всплыли слова Мидзуки.

Внутри отозвалось тепло, не похожее на его обычную магию. Казалось, за глухой стеной горит свет, который видит настоящий мир, но не может пробиться сюда. Юджин пытался направить к нему жизненную энергию — и сразу понял, что не знает как. Попытка оставила после себя лишь слабость.

— Юджин, эй! — позвала Марта. — Ты опять потерялся? Я сейчас Доми за тобой пошлю!

Он открыл глаза и подошёл к крыльцу.

— Только не Доми. Он, кажется, слишком серьёзный для поисковой работы.

— А вот и неправда. — Девочка усадила медвежонка между ними. — Просто ему надо всё объяснять.

Они посидели молча. В саду шелестели листья. Марта с необычайной серьёзностью смахнула с носа Доми прилипшую травинку, и Юджин чуть не улыбнулся.

— А тебе здесь хорошо? — спросил он.

— Конечно. — Марта посмотрела на него с подозрением. — А тебе? Ты всё время думаешь. Это у взрослых такая болезнь?

— Бывает иногда, — признался Юджин.

— Вот. Я же говорила: надо чаще улыбаться.

Рис 11.

Рис 11. Марта на крыльце.

Юджин посмотрел на неё.

— И о чём ты сейчас мечтаешь, Марта?

— О том, какой стану, когда вырасту.

— Ну и какой же?

Марта выпрямилась так важно, словно перед ней уже стояли все Красные Ауры.

— Великой! Сильной-сильной! Чтобы всякие страшные Опустошённые меня боялись! И смелой. И красивой. — Марта поднялась на ступеньку выше, будто уже стояла перед целым народом. — Чтобы все говорили: «Смотрите, богиня Марта Хикагури идёт!»

Рис 12.

Рис 12. Представление будущей Богини Красных Аур.

— Даже Доми?

— Доми и так знает! — рассмеялась она. — Он первый мой подданный.

— И это всё? — спросил Юджин.

— Не-а, не всё! — Марта села обратно и вдруг сделалась серьёзной. — Я ещё буду доброй. Самой доброй из всех богинь. Если кто-нибудь заплачет — я обниму. Мама говорит, это иногда помогает лучше магии. И своих я никогда не брошу.

Она посмотрела на него прямо и совершенно серьёзно.

— Как думаешь… у меня получится? — спросила она уже без прежней важности.

На миг Юджин представил её взрослой — такой, какой она мечтала стать: величественной, бесстрашной, с ясными глазами и улыбкой, которую никто не заставляет прятать.

Он знал, что Марта действительно станет сильной. Она не утратит доброты — просто будет прятать её так глубоко, что даже близким окажется трудно до неё достучаться.

— Получится, — мягко произнёс Юджин. — Ты станешь очень сильной. Даже сильнее, чем сейчас думаешь.

— Вот увидишь! — Марта довольно повернулась к саду и принялась опять болтать ногами.

Она замолчала, любуясь садом. Тень от ветки легла на ступеньку между ними; Марта передвинула Доми, чтобы он «тоже видел цветы».

Юджин смотрел на неё, не торопясь отвечать самому себе. Перед ним сидела девочка, ещё не подозревавшая, сколько ей придётся пережить. Он не хотел, чтобы её смех заканчивался.

Когда Марта отвернулась к саду, он произнёс едва слышно, с нежностью и тихой болью:

— Жаль только, Марта… что ты так и не стала той, какой мечтала быть.

Она не расслышала.

На ступеньке сидел Доми. Где-то шелестели цветы. Марта улыбалась солнцу, не подозревая, что Юджин только что попрощался с одной из её несбывшихся мечтаний.

◆◆◆

В другом обрывке чужого прошлого взрослая Куронами Элиси стояла перед маленькой синеволосой девочкой.

Ребёнок долго не отпускал её руку.

— Ты потерялась? — осторожно спросила Куронами.

Девочка не отвечала, только крепче держалась за её пальцы. В её глазах Куронами узнала знакомое упрямство, но детская растерянность была ей незнакома.

Рис 13.

Рис 13. Маленькая Мидзуки.

Куронами присела рядом.

— Я тебя не обижу, моё солнышко.

Маленькая Мидзуки чуть сильнее сжала её пальцы.

Куронами знала историю подруги. Знала, сколько страшного осталось в её детстве. Но одно дело — услышать о давно минувшей боли. Совсем другое — держать за руку девочку, которой ещё только предстояло её пережить.

— Ну здравствуй, малышка, — прошептала Куронами. — Если хочешь, я немного побуду рядом.

Ответа не последовало. Только ещё одно доверчивое прикосновение.

И сцена растаяла.

Мидзуки же оказалась среди залитого солнцем поля. Трава качалась под ветром, за холмами белели облака.

На невысоком склоне сидела Оранжевая Аура и любовалась пейзажем.

Мидзуки узнала её не сразу.

Куронами?..

Девочка увидела Мидзуки и подошла без тени страха. Долго рассматривала её лицо, особенно глаза. От незнакомки почему-то становилось спокойно.

— Какая красивая, — сказала она обыкновенным, совершенно серьёзным тоном.

Мидзуки невольно улыбнулась.

— Спасибо.

Рис 14.

Рис 14. Встреча на солнечном поле.

— Куронами! — донёсся издалека женский голос. — Домой!

Девочка повернулась на мамин голос, затем ещё раз посмотрела Мидзуки в глаза — словно хотела что-то запомнить — и попятилась.

Потом вдруг развернулась и побежала через траву.

Мидзуки провожала её взглядом, пока поле не исчезло.

Вместе с ним пропали и звуки ветра.

◆◆◆

У ручья в тёплой траве сидела Хонока. Она держала пучок полевых цветов, выбирая самые длинные стебли. Маленькая Кохару кружила вокруг неё и заглядывала через плечо.

— Ну что, готово?

— Было бы готово быстрее, если бы одна девочка не заглядывала мне под руку каждую минуту, — ответила Хонока.

— Я не считаю! Я проверяю.

— Проверяешь ты очень громко.

Кохару сделала вид, что оскорблена, и умолкла ровно на три секунды.

— А сейчас?

Хонока рассмеялась. Миэла даже вздрогнула от этого звука.

— Сейчас — да. Подойди.

Она бережно надела сестре на голову венок из белых ромашек и маленьких синих цветков.

Рис 15.

Рис 15. Хонока в прошлом.

— Ну как? — Кохару покрутилась перед ней.

Кохару осторожно придержала венок обеими руками, будто это была драгоценность.

— Ты же завтра ещё сплетёшь? — спросила она.

— Если не растопчешь все цветы до завтра, — ответила Хонока. Улыбка не сходила с её лица.

— Даже красивее, чем все цветы, которые я сюда принесла.

— А ты?

— Мне и без венка хорошо, — сказала Хонока. — Я же рядом с тобой.

— Нет! — Кохару сняла один цветок с венка и сунула сестре за ухо. — Теперь мы обе красивые.

Хонока накрыла её ладонь своей и улыбнулась — совершенно свободно, без привычной отстранённости.

Миэла смотрела на них, не зная, что делать с внезапной тяжестью в груди.

Хонока? Неужели это… наша Хонока?

— Ты почему молчишь? — Кохару заметила незнакомку и подбежала к ней. — Тебе тоже венок нужен?

— Я… — Миэла осеклась. — Не думала, что вы… умеете так смеяться.

Хонока с лёгким удивлением посмотрела на неё.

— А разве для смеха требуется разрешение? Садись. Я сплету и тебе.

Миэла не смогла ответить.

Где-то рядом с её восприятием бесплотным свидетелем находилась Санами.

— Неужели это Хонока?.. — прошептала Санами. — Она смеётся… как будто совсем ничего не боится. А если потом… Нет, только бы с девочкой ничего не случилось.

Слова затихли. Ни Миэла, ни счастливая Хонока не услышали их.

Миэла посмотрела на венок, потом на Кохару.

И вспомнила собственные жестокие слова, сказанные совсем недавно:

«Ты ничего не знаешь! Что ты вообще можешь понимать?!»

Она отвела глаза.

Я ведь сказала ей, что она ничего не понимает. Даже не спросив, что случилось с ней самой.

Вода в ручье вдруг потемнела. Смех Кохару вытянулся в далёкий, едва различимый звук. Полевые цветы на миг растворились у неё на голове.

Миэла протянула руку.

— Подождите…

Но мир уже менялся.

Ещё мгновение Миэла видела на голове Кохару ромашки, которые та боялась примять. Потом исчез и венок, и ручей.

Вместо цветов пахло сырой землёй, лекарственными травами и гарью.

В лесу гремел бой.

• • •

Хонока открыла глаза в залитом светом дворе незнакомого дома.

Под деревом сидела маленькая Миэла. Женщина рядом осторожно разбирала пряди её волос; девочка ёрзала и пыталась заглянуть матери в глаза.

— Мам, только не тугую косу. От неё потом голова болит.

— А мои заклинания, значит, тебя совсем не пугают? — с притворной строгостью ответила мать. — Я вчера нашла следы твоей магии на всей кухне.

Маленькая Миэла виновато вздохнула.

— Я старалась. Правда. Но кровь совсем меня не слушается.

— Пока не слушается, — спокойно поправила Лайрэ Сэйрин, расплетая косу. — Но у тебя тот же дар крови, что и у меня. Настанет день, и ты превзойдёшь меня. Я этого очень жду.

— Лучше тебя не бывает.

— Ещё как бывает. Я на это и надеюсь.

— Ты совсем не сердишься?

— За то, что ты учишься? — Лайрэ прижала её к себе. — Я горжусь тобой. Только не забывай: в тебе есть кое-что важнее любого заклинания. Ты сама.

Миэла уткнулась ей в плечо.

— А я хочу быть как ты, мама.

Хонока молчала. Перед ней была маленькая Миэла, которая легко обнимала мать и не прятала глаз. Ничего общего с резкой, закрытой товарищницей, готовой при одном имени Золкариона сжать кулаки.

Рис 16.

Рис 16. Миэла и её мама Лайрэ.

Миюри, бесплотная свидетельница за её глазами, тихо прошептала:

— Миэла… — едва слышно сказала Миюри. — Ты ведь никогда не рассказывала…

Воспоминание сменилось без предупреждения.

Солнечный двор погас. Теперь над ним висело низкое серое небо. На земле темнели следы недавней магии. Хонока узнала приближающуюся фигуру раньше, чем смогла увидеть лицо.

Золкарион.

Первым порывом было ударить. Хонока подавила его. Она уже видела Золкариона в бою: против него одиночная атака лишь отнимет остатки жизненной энергии. Если ещё можно спасти мать с ребёнком, нужно уводить их немедленно.

Она бросилась к ним.

— Лайрэ! Возьмите дочь. Быстро, за мной!

Женщина поднялась, не выпуская руки Миэлы.

— Откуда вы знаете моё имя? — Лайрэ крепче прижала к себе дочь.

— Потом объясню. Сейчас у нас каждая секунда на счету.

Лайрэ бросила взгляд за плечо Хоноки и сразу перестала спорить.

— Миэла, ко мне. Не отпускай руку.

— Мам… почему она так говорит? — прошептала девочка.

— Потому что торопится спасти нас. — Лайрэ обхватила маленькую ладонь. — Смотри на меня, Миэла.

Хонока распахнула ворота. За ними должна была тянуться тропа к соседнему двору.

Но за воротами стояло то же дерево. Та же стена. И вдали — тот же приближающийся силуэт.

Хонока на секунду застыла.

— Нет…

Она толкнула другую створку, попыталась открыть проход магией, затем повела их вдоль стены. Каждый выход возвращал к тому же месту, будто двор складывался сам в себя.

Золкарион приближался медленно, как человек, которому некуда спешить: выходы и без того снова и снова вели в один двор.

— Сколько старания, — заметил он. — Один проход, другой… Ты уже начала считать, сколько раз опоздала?

Хонока закрыла Лайрэ и Миэлу собой.

— Отойди от них, — сказала Хонока. Голос не дрогнул.

— Как строго. — Золкарион вскинул бровь. — Ты же знаешь, что у прошлого дурная привычка исполняться.

Она рванулась к нему, пытаясь отвлечь хотя бы на мгновение. Но реальность отступила у неё под ногами: расстояние между ними растянулось, а фигура противника уже стояла по другую сторону женщины.

— Нет!

Резкая вспышка. Лайрэ осела на колени.

Миэла подхватила мать, неловко пытаясь удержать её в руках. Та оказалась почему-то такой тяжёлой.

— Мам?.. Ты сейчас встанешь? Мам, пожалуйста…

Лайрэ с трудом подняла руку и коснулась дочерней щеки.

— Я здесь, мамочка. Слышишь? Я здесь.

Девочка всхлипнула.

— Я смотрю…

Лайрэ едва заметно улыбнулась.

— Будь доброй девочкой.

Её ладонь опустилась.

— Я буду, мама… Обещаю. Только не закрывай глаза. Пожалуйста…

Миэла обхватила материнскую ладонь обеими руками. Лайрэ уже не сжимала её пальцы. Девочка всё ждала, что они сожмутся вновь.

Хонока попыталась что-то сказать — и не смогла. Золкарион стоял неподалёку, будто его интересовала не смерть женщины, а выражение лица ребёнка.

Хонока остановилась рядом. Она почти нашла дорогу, почти увела их — и не успела. Слова утешения, которые могли бы иметь вес, не находились.

Золкарион смотрел на результат с холодным вниманием, будто всё происходящее было давно записано им в протокол.

— Хонока… — выдохнула Миюри. — Не оставляй девочку там…

— Хонока… Уведи её, пожалуйста… хоть девочку…

Но ни Хонока, ни маленькая Миэла её не слышали.

Только мир дрогнул и разлетелся тёмными фрагментами, оставив перед глазами Хоноки ребёнка, который уговаривал маму подняться.

• • •

Миэла бежала по лесной тропе.

Слева раздавались взрывы. Между деревьями мелькали испуганные воительницы, уводившие раненых. Она искала Хоноку, спрашивала каждого встречного, не видел ли кто фиолетовую девушку, защищающую лесной проход.

— Там, у прохода! — отозвалась одна из Аур. — Но тебе не пройти, враги перекрыли тропу!

Но тропу уже отрезали.

Миэла метнулась в сторону нижнего лазарета за грядой. Если она не успеет предупредить Хоноку, то хотя бы найдёт Кохару.

Среди лекарей, раненых и разбросанных перевязочных материалов она увидела знакомый венок. Цветы увяли, но Кохару всё ещё берегла его. Девочка как раз помогала одному из выживших раненых добраться до тропы.

— Ты! — Девочка узнала Миэлу. — А где моя сестра?

— Она сражается. Пойдём со мной, быстро.

Миэла схватила Кохару за руку и вывела к узкой тропе, по которой можно было спуститься из лазарета.

— Миэла, это ты? — удивилась Кохару. — А Хонока где? Она обещала вернуться.

На дорогу вышли Опустошённые.

Миэла мгновенно развернулась, закрывая собой девочку.

— Я найду её, — резко ответила Миэла. — Но сперва выведу тебя. Держись крепче.

— А ты?

— Я догоню!

Она бросилась в бой.

Магия вырывалась резкими ударами; каждый миг, который Миэла выигрывала, давал Кохару возможность отдалиться. Она слышала стук маленьких шагов за спиной и заставляла себя верить, что этого будет достаточно.

Когда последний Опустошённый рухнул, тропа опустела.

Миэла навалилась плечом на дерево. Сердце грохотало в груди.

Успела? Она ведь убежала. Я сама слышала её шаги.

Снизу донёсся слабый голос:

— Помогите… Здесь ещё живые!..

Миэла резко обернулась. За грядой поднялся новый столб дыма, а среди него промелькнула маленькая фигурка с венком на голове. Кохару возвращалась туда, откуда её только что вывели.

— Кохару! — позвала Миэла. — Не возвращайся! Там опасно!

Миэла бросилась за ней. Но тропу перечеркнули рухнувшие стволы. Она перепрыгнула первый, обошла второй — и увидела, как расстояние до лазарета стало невозможным, будто сама земля отодвигала его с каждым шагом.

Где-то за грядой прогремел удар. Крики оборвались.

Миэла ещё несколько раз звала её. Ей казалось, что девочка обязательно ответит, стоит только позвать громче.

— Ответь… Ну же, ответь мне!

Никто не ответил.

Она нашла обратную тропу к лесному проходу. Там, среди уцелевших защитниц, стояла юная Хонока — с запачканными рукавами, уставшая, но всё ещё собранная. Миэла уже открыла рот, чтобы крикнуть ей правду, когда к воительницам добрался измождённый раненый. Тот самый, кому Кохару помогла выбраться.

— Госпожа… — Он едва держался на ногах. — Девочка из лазарета… Ваша сестра…

Хонока сразу повернулась к нему.

— Где Кохару?

Он не ответил сразу. И Хонока, кажется, всё поняла раньше слов.

Хонока не задала второй вопрос. Ждала, пока раненый соберётся с силами, хотя по его взгляду уже поняла ответ.

— Она вывела меня к тропе, — выговорил раненый. — Потом услышала, как зовут на помощь. Вернулась к лекарям. Я пытался… я не успел…

Хонока поддержала раненого за плечо, будто не услышала самого страшного слова. На её лице не дрогнул ни один мускул; только пальцы, сжимавшие ткань его плаща, стали белыми.

— Я поняла, — произнесла она очень тихо.

— Госпожа, простите…

Хонока смотрела на дым за грядой. Ещё совсем недавно она смеялась у ручья и поправляла венок на голове сестры. Теперь взгляд словно потускнел, но не сразу: на какое-то мгновение в нём жила попытка не поверить. Затем осталась лишь холодная пустота.

— Уводите живых, — сказала Хонока после долгой паузы. — Проверьте каждый проход. Никого больше не оставлять.

Она нагнулась и подняла чьё-то брошенное снаряжение. Машинально поправила ремень на плече молодой воительницы — так, как минуту назад поправляла венок сестре. Но лицо её осталось неподвижным.

И пошла вперёд, не дожидаясь ответа.

Миэла попыталась шагнуть следом, но ноги словно приросли к земле. Перед глазами стояла другая Хонока: смеющаяся, с цветком за ухом.

«Ты ничего не знаешь! Что ты вообще можешь понимать?!»

— Прости… — выговорила Миэла. — Я ведь думала, что знаю тебя. Кохару… прости.

Санами, видевшая всё глазами Миэлы, тихо, растерянно всхлипнула:

— Она даже не плачет… — Голос Санами задрожал. — Неужели вот так и бывает? Когда внутри уже ничего не осталось?..

Ветер донёс запах дыма. Следующее воспоминание не пришло; мир просто погас.

• • •

Марта находилась в светлой комнате человеческого дома.

Она стояла у стены, пока за большим обеденным столом разговаривали четверо: мужчина, женщина, пожилая бабушка и маленький мальчик.

Марта сразу узнала Юджина.

Только теперь он был ребёнком.

— Так всё-таки на сколько вы уезжаете? — спросила бабушка Вера, придвигая к внуку тарелку.

— На неделю, — ответил Даниил. — Египет подождал нас столько лет, ещё немного потерпит.

— А меня? — маленький Юджин поднял голову. — Меня он тоже ждёт?

Марина поправила ему воротник.

— Тебя пока ждёт школа, путешественник.

— Пап, а если там мумии? Ты их спросишь, почему они всё время лежат?

— Когда подрастёшь, поедем вместе, — пообещал отец.

— Точно? Без обмана?

— Точно, — сказала мама.

— Тогда привезите мне маленькую пирамиду, — решил Юджин. — Чтобы в комнате поместилась. Бабушка большую не разрешит.

— Спасибо за заботу о моей квартире, — рассмеялась Вера.

Мальчик улыбнулся так широко, что Марта невольно задержала на нём взгляд.

— Если что, — добавил маленький Юджин, — я могу нарисовать вам карту. Чтобы точно нашли дорогу домой.

— Вот это уже полезная помощь, — серьёзно сказала бабушка. — Рисуй. И не забудь нарисовать нас в дверях: мы будем ждать.

Марта осталась у стены, невидимая для семьи. Её удивляло, что маленький Юджин говорит так много и так легко смеётся. Разглядывала она его скорее с любопытством, чем с нежностью: чужая жизнь по-прежнему оставалась чужой.

Значит, когда-то и у него всё было иначе.

Тёплая комната растворилась.

Теперь мальчик сидел на скамейке у дома. Его плечи дрожали. Неподалёку плакала бабушка; чей-то приглушённый голос говорил об авиакатастрофе и о том, что никто не вернётся.

— Они же обещали… — повторял мальчик. — Бабушка, они обещали…

Марта остановилась.

На одно мучительное мгновение она вспомнила девочку, которая ждала, что мать откроет глаза. Чужая беда больно отозвалась там, где Марта давно приказала себе ничего не чувствовать.

Она сделала едва заметное движение, будто собиралась приблизиться.

Но остановила себя.

Это случилось задолго до их знакомства. Золкарион уже ушёл. Врата когда-нибудь распадутся — и всё вернётся на свои места. Марта ухватилась за эту мысль, как за оправдание собственного бездействия.

Юджин всхлипнул, крепко сжимая руки на коленях.

Марта отвела взгляд.

Марта развернулась и пошла прочь. Только у выхода задержала шаг — на долю секунды. Обратно не посмотрела.

Не сказав ни слова.

• • •

Перед Мидзуки лежало поле боя, заваленное телами разведчиц.

Ночь пахла сырой землёй, гарью и мокрой травой. Где-то за холмом ещё гремела битва, но здесь она уже утихла. В грязи темнели брошенные копья; ветер трепал разорванные знамёна. Тишину нарушало только сбивчивое дыхание тех, кому удалось выжить.

Мидзуки увидела её возле сломанной повозки.

Куронами лежала на влажной земле, опираясь на локоть. Совсем юная, почти подросток, она ничем не напоминала ту уверенную главу Разведкорпуса, которую Мидзуки знала в настоящем. Девушка смотрела на погибших товарищей широко раскрытыми глазами. Казалось, она всё ещё ждала, что кто-нибудь поднимется и скажет: это ошибка, сейчас всё закончится.

Рис 17.

Рис 17. Мидзуки находит Куронами.

Но никто не вставал.

Впереди, за полосой редкого тумана, показались Опустошённые. Они приближались не спеша, шаг за шагом. Куронами заметила их и вжалась плечом в землю. Пальцы судорожно зашарили рядом в поисках оружия, хотя оно лежало совсем близко.

Вот ты где, моя дорогая…

Мидзуки знала, что это воспоминание. Знала и то, что коде 9 не позволит ей переписать чужую трагедию. Но видеть лучшую подругу такой — растерянной, почти ребёнком, впервые столкнувшейся с настоящей бойней, — оказалось больнее, чем она ожидала.

Она подошла тихо и опустилась перед Куронами на колено. Раненое плечо отозвалось болью, но Мидзуки даже не поморщилась.

— Эй, — мягко сказала она. — Посмотри на меня.

Куронами подняла голову. Несколько мгновений она только смотрела на красивую синеволосую незнакомку, будто не могла понять, откуда та появилась.

— Там… — Девушка с трудом сглотнула и указала дрожащей рукой в темноту. — Они идут. Наш командир… Я не знаю, что теперь делать…

— Сейчас не нужно знать всё сразу, — тихо ответила Мидзуки. — Дай мне руку.

Куронами подчинилась почти машинально. Мидзуки осторожно поддержала её под локоть, помогла подняться на ноги и подождала, пока та сможет удержать равновесие. Девушка дрожала всем телом и не выпускала её ладонь.

— Вы… меня знаете? — едва слышно спросила Куронами.

Мидзуки на мгновение задержала взгляд на её лице. Перед ней стояла та, с кем однажды будут разделены тысячи дорог, тревог и встреч. Но для этой Куронами она была всего лишь незнакомкой среди разрушенного поля.

— Гораздо лучше, чем ты думаешь, — ответила Мидзуки.

Она бережно убрала с лица девушки прилипшую прядь волос, наклонилась и легко поцеловала её в лоб.

Куронами не отстранилась. Она лишь замерла, ошеломлённая неожиданной лаской. Вокруг продолжали приближаться враги, а она смотрела на женщину перед собой так, словно впервые за эту страшную ночь услышала что-то, кроме криков.

Рис 18.

Рис 18. Поцелуй в лоб.

— Я не дам тебя в обиду, моя ягодка, — прошептала Мидзуки.

— Я… — Куронами моргнула. — Почему вы…

— Потом, — мягко остановила её Мидзуки. — Сейчас просто дыши. Слышишь? Вдох… Вот так.

Она отвела девушку на шаг к уцелевшему борту повозки, убедилась, что та стоит сама, и повернулась к приближающимся Опустошённым.

Мидзуки раскрыла ладони. Между пальцами побежали голубоватые искры, воздух вокруг запястий побелел от холода. Прозрачные осколки льда стремительно сошлись в длинное копьё; по его острию пробежал холодный свет. Она крепко сжала древко и двинулась навстречу врагам.

Рис 19.

Рис 19. Мидзуки защищает Куронами.

Первого Опустошённого ледяное копьё встретило раньше, чем он добрался до повозки. Следующего Мидзуки остановила резким ударом сбоку. Боль полоснула по раненому плечу, дыхание сбилось, но она не отступила.

Куронами смотрела ей вслед, всё ещё не в силах вымолвить ни слова.

Кто она?.. Почему не убежала? Почему защищает меня?

Синеволосая незнакомка стояла между ней и врагами, хотя сама едва держалась на ногах. На одно мгновение Куронами почудилось что-то знакомое: солнечное поле, чьи-то красивые глаза, спокойный голос. Имени она вспомнить не могла. Да и было ли это воспоминанием?..

Она могла бы остаться у повозки, спрятаться за чужой спиной и ждать, пока незнакомка тоже упадёт.

Нет. Хватит.

Куронами заставила себя отойти от опоры. Ноги ещё дрожали, но она подняла оружие и огляделась. Между поваленными деревьями прятались раненые разведчицы; кто-то плакал, кто-то неподвижно сжимал рукоять меча.

— Всем слушать меня! — крикнула она.

Ближайшая разведчица даже не подняла головы.

— Слышишь меня? — Куронами опустилась рядом с потрясённой разведчицей. — Ты жива. Значит, помоги подняться той, что рядом. Потом испугаешься. Сейчас — помоги.

Девушка вздрогнула и подхватила раненую под руку.

— Из всех отрядов — ко мне! Быстро! — Куронами указала на два уцелевших укрытия. — Тех, кто не может идти, — туда. Остальные — в один строй. Никто больше не остаётся один!

— Но кто теперь командует?.. — спросила воительница с перевязанным виском.

Куронами замолчала. Имя командира, погибшего совсем недавно, застряло в горле. Она поняла, что больше некому ответить на этот вопрос.

— Я, — сказала она. — Пока мы живы, за вас отвечаю я.

— Нас слишком мало.

— По одной нас перебьют. Вместе сможем вывести раненых и удержать проход. Так что выбирай: бояться поодиночке или двигаться со мной.

Она обвела взглядом собравшихся, быстро пересчитала тех, кто ещё способен держать оружие, и подняла руку.

— Слушайте мои команды. Левый край — прикрывать отход. Остальные — за мной! В бой!

Строй двинулся не сразу. Сначала кто-то шагнул, потом ещё двое. Но движение передавалось дальше, пока разрозненные выжившие не превратились в отряд.

Куронами почувствовала, как предательски дрожит оружие в ладони. Она даже не попыталась скрыть дрожь. Главное было не выпустить его.

Мидзуки почувствовала поддержку, когда разведчицы ударили во фланг Опустошённым.

Куронами оказалась рядом, тяжело переводя дыхание.

— Вот оно как… — Мидзуки отбила удар и взглянула на неё через плечо. — Решила помочь?

— Кто бы ты ни была, спасибо, синеволосая королева! — Куронами перехватила оружие. — Ты смогла поднять нам боевой дух. Теперь мы справимся сами — только не вздумай погибнуть!

Мидзуки улыбнулась. Не оттого, что поверила в победу над прошлым, а оттого, что вновь увидела знакомое упрямство своей подруги.

Миюки, наблюдавшая её глазами, вдруг вспомнила собственных девочек из Девятнадцатого отряда.

Вот что значит быть рядом, когда другие уже не верят, что смогут подняться.

Мидзуки и Куронами повернулись к противникам и впервые в этом воспоминании вступили в бой плечом к плечу.

На этом картина оборвалась.

• • •

Сначала Юджин почувствовал запах дыма. Потом жар. И только после этого — крик, от которого свело грудь.

Солнце исчезло. На месте сада стояла ночь, разорванная багровыми отсветами пожаров.

Клан Хикагури горел.

Он сделал два шага и замер. У стен лежали Красные Ауры — так много, что взгляд не мог выбрать одно лицо. На камнях валялись сломанные копья, перевёрнутые носилки, разорванные повязки. Там, где утром шли дети, теперь едва двигалась раненая защитница, пытаясь дотянуться до упавшего оружия.

Две воительницы заслоняли собой группу детей. Первая успела вытолкнуть последнего мальчика за угол — и упала под ударом. Вторая, стоя на одном колене, всё ещё держала копьё наперевес. Дети бежали, оглядываясь; никто из них не знал, успеет ли защитница за ними.

В глубине переулка кто-то звал дочь по имени. Ответа не было. Юджин захотел обернуться, но грохот проломленной стены заставил его пригнуться.

— Детей — к южному проходу! — раздался женский голос.

— Его больше нет! — отозвались из дыма. — Уводите через дворы!

Юджин узнал дорожку, по которой ещё недавно нёс вёдра с Мартой. Теперь посреди неё лежало тело воительницы, а вода из опрокинутой бочки стекала по чёрным камням.

Нет. Это же…

Перед глазами встали Доми на ступеньке и радостное «Я буду всех защищать!».

— Марта!

В ответ — грохот рухнувшей кровли.

Из бокового прохода выскочила раненая Красная Аура. Она оглядывалась не на свои раны, а на Опустошённых, прочёсывавших жилые дома. В одной комнате враг перевернул сундук, в другой сорвал полог с детской кровати. Казалось, они ищут не бой, а кого-то конкретного.

— Эй! — Юджин подхватил воительницу, когда та споткнулась. — Кого они ищут? Что здесь происходит?

— Младшую… из семьи правительницы, — выдохнула та. — Нам приказали спрятать её. Они лезут туда, где дети… Не пустите их…

Из переулка показались трое Опустошённых. Воительница осеклась.

— Беги! — Юджин толкнул её за каменный выступ и метнул вперёд огонь.

Пламя сбило первого врага. Второй проскочил через дым, третий ударил по стене, осыпав Юджина горячей крошкой. Он отступил и вновь вызвал огонь.

Марту ищут. Значит, она ещё где-то здесь.

Но где?!

Во дворе защитницы удерживали проход к жилым зданиям. Опустошённые не задерживались добивать павших: некоторые проскакивали мимо схваток к дверям и заглядывали внутрь. Среди хаоса угадывался чужой, холодный приказ.

У Юджина похолодели пальцы.

Главный дом. Нужно туда.

Он прорвался через улицу, защищаясь огненной магией. Его собственные запасы жизненной энергии были невелики: пока Мидзуки и отряд сражались с Девятым, он успел немного восстановиться, но для такой битвы этого едва хватало.

За стеной кто-то отчаянно звал пропавшую сестру. Дальше раненая воительница, не замечая пламени на собственном рукаве, пыталась поднять товарища. Тот не шевелился.

Сильные маги Хикагури в ту ночь были далеко: кто-то воевал на других фронтах, кто-то служил в Разведкорпусе. Здесь оставались преимущественно воительницы, семьи и те, кто успел прийти на помощь. Даже огромному клану не хватало сил удержать все улицы.

— Марта! — снова позвал Юджин.

Из-за завала ответил только треск дерева.

Он остановился только на секунду, чтобы прислушаться. Среди голосов раненых не было знакомого тоненького «Юджин». И от этого становилось страшнее.

«Попытайся проснуться». Голос Мидзуки вернулся неожиданно ясно.

Юджин закрыл глаза, пытаясь ощутить свет Элинэи. Он знал главное: её сила способна разрушить ложный мир, а его собственный дар — нет. Но знать это и высвободить свет оказалось совершенно разными вещами. Он ощутил лишь слабое тепло где-то за пределами привычной магии.

— Ну же… — прошептал он. — Только раз…

Ответом стала пустота и резкая слабость. Время уходило, а ему по-прежнему не удавалось даже понять, в каком направлении искать эту силу.

В соседний двор ворвались новые Опустошённые. Юджин открыл глаза и выставил ладонь.

Пламя ударило навстречу.

• • •

Маленькая Марта не понимала, почему мама не велит всем перестать кричать.

Комната пахла дымом. Стёкла дрожали, с потолка сыпалась известка. Мама стояла перед маленькой Мартой, с трудом удерживая защитное пламя. Для Марты она всегда была самой сильной, хотя взрослые не раз говорили, что её собственной магии едва хватает на защиту дома.

— Марта, к задней двери, — негромко велела мама. — Там должны быть Аканэ и Азуки. Беги к ним.

— А ты? — Марта вцепилась в мамин рукав. — А ты со мной?

— Я за тобой, солнышко. — Мама на мгновение коснулась её щеки. — Иди, пожалуйста. Мне надо, чтобы ты была в безопасности.

Марта сделала шаг к двери, но оттуда донёсся чужой, низкий рёв. Девочка испуганно обернулась к маме — как раз тогда, когда из дыма показались враги.

Из дыма шагнули Опустошённые. Один бросился вперёд, другой отвернул к комнате, где лежали детские вещи. Он остановился, словно прислушиваясь к чему-то, затем повернул к Марте пустое лицо.

Мама заслонила младшую дочь собой.

— К ней не подходить, — сказала мама. И даже теперь её голос оставался материнским — спокойным, будто она укладывала дочь спать.

Её магия вспыхнула в последний раз. Удар отбросил одного врага, но сил на второй не хватило. Под сводами раздался грохот.

Мама упала. На миг Марте показалось, что она просто присела от усталости.

Всё вокруг двигалось: дым, тени, осыпавшиеся искры. Только мама лежала неподвижно. Марта смотрела на неё и никак не могла понять, почему та не встаёт.

— Мам?.. — позвала Марта.

Она подошла на дрожащих ногах и присела рядом.

— Мама… проснись.

Ответа не было.

— Мам… ну, мама… Здесь дым. Ты же сама говорила, что из дыма надо уходить…

Она потянула мамину руку к себе. Рука оказалась тяжёлой, не помогла подняться и снова легла на пол.

Марта нахмурилась, словно её не поняли.

— Я больше не стану убегать гулять без спроса. Честно. Ты только проснись…

Марта осторожно провела ладонью по маминой щеке, повторяя движение, которым та когда-то успокаивала её при болезни. Ответа не было. Девочка ждала, снова звала, снова ждала. Между её словами были длинные, страшные паузы, в которых слышался только треск потолка.

Она не понимала, сколько времени прошло. Пальцы уже испачкались сажей, а ей казалось: если попросить ещё раз, мама обязательно откроет глаза.

Рис 20.

Рис 20. Слёзы маленькой Марты.

Дверь распахнулась.

— Марта!

Аканэ ворвалась первой. За ней — Азуки, с пеплом в волосах и дрожащими руками.

Обе остановились при виде матери.

Азуки зажала рот ладонью. Аканэ на секунду застыла, потом опустилась перед Мартой и заставила себя говорить ровно.

— Марта. Посмотри на меня.

— Аканэ… я всё говорю ей, а она не просыпается.

У старшей сестры дрогнули губы.

— Я знаю, родная. — Голос Аканэ сорвался. Она обняла сестру за плечи. — Но сейчас нам надо идти.

— А если она проснётся, когда нас не будет? Кто ей скажет, куда мы пошли?

Азуки обняла Марту со спины.

— Малышка, пожалуйста… — Азуки еле выговорила слова. — Доми возьмём с собой. Мама сама подарила тебе его. Давай?

Марта нашарила медвежонка среди разбросанных вещей и прижала к груди.

— А маму?.. — тихо спросила Марта.

Аканэ открыла рот, но не смогла ответить. Она только крепче взяла Марту за руку.

Сёстры не произнесли вслух того, что обе поняли. За стенами уже трещала следующая балка, и времени объяснять не осталось.

Сверху затрещали балки. Аканэ подняла младшую за руку, Азуки заслонила их от падающих щепок. Втроём они добрались до выхода.

И остановились.

Перед порогом стояли Опустошённые. Одни теснили защитниц с улицы, другие тянулись к дверям, заглядывая внутрь. Один заметил Марту и мгновенно двинулся прямо к ней, даже не пытаясь добить раненую Ауру у стены.

Аканэ заметила это и поняла всё: твари не пытались добить раненых защитниц. Они тянулись именно к Марте.

Они пришли за ней.

— Азуки, со мной! — коротко сказала старшая.

Азуки встала рядом, хотя у неё дрожали колени.

Марта попятилась.

— Нет… Я с вами! Пожалуйста!

Аканэ присела перед сестрой, взяла её за плечи, стараясь, чтобы Марта смотрела только ей в глаза. Оглушительный грохот пожара заглушал её слова.

— Марта, слушай меня. Сейчас ты побежишь по улице. Не в дом, не к огню — туда, где ещё стоят целые стены. Беги и не останавливайся.

— А вы?

— Мы задержим их.

— Я не хочу одна!

— Я знаю. — У Аканэ дрогнул голос. — Я тоже не хочу. Но ты должна остаться в живых, слышишь меня?

Азуки поспешно пригладила Марте волосы, как делала всегда, когда та расстраивалась.

— А Доми? — Азуки дрожащими пальцами поправила ему отогнувшееся ухо. — Смотри, он ведь тоже боится. Побереги его для меня, хорошо? И себя побереги.

Очередной удар сотряс порог. Аканэ подняла оружие.

— Беги, Марта!

Марта сделала шаг назад, потом другой. Сёстры уже отбивали врагов, не позволяя им приблизиться к ней.

И она побежала.

Она бежала мимо обломков, чужих лиц, огня. Спотыкалась о камни, но Доми не отпускала. На площади остановилась: дорог было много, и все они казались одинаково чужими. Ни на одной не было ни Аканэ, ни Азуки.

Марта на секунду остановилась и оглянулась. Там, где она видела сестёр в последний раз, вспыхнуло пламя. Она прижала Доми к подбородку и побежала дальше.

Аканэ? Азуки?.. Где вы?

В голове прозвучали когда-то услышанные слова о том, что её силу следует прятать. Если враги узнают, пострадают близкие. Она боялась этого ещё в счастливые дни, когда мама была рядом.

Они узнали.

Это из-за меня?.. — Мысль оказалась тяжелее любого упавшего камня.

— Аканэ?.. — Марта вытерла слёзы свободной рукой. — Азуки!..

Никто не ответил. На площади было слишком шумно, чтобы расслышать детский голос.

Она осталась посреди площади, слишком испуганная, чтобы выбрать дорогу. Доми был единственным, кого она всё ещё могла удержать в руках.

Юджин едва уклонился от очередного удара. Улица, которую он расчистил огнём, вновь заполнялась Опустошёнными. Они выходили из соседних дворов, переулков, пробитых стен. Новые лица, новые доспехи — и одно направление: к жилой части клана.

— Да сколько же вас?.. — выдохнул Юджин.

Сажа забивалась в горло, а руки уже заметно дрожали от потраченной жизненной энергии.

Катана Кровавой Луны.

Он пытался призвать её раньше, в солнечном воспоминании. Тогда ладонь осталась пустой.

А если снова ничего не выйдет? Если катана вообще не может появиться в чужом прошлом? Он стиснул зубы — и услышал в памяти голос взрослой Марты.

Огонь на кончиках его пальцев дрогнул, как пламя свечи на ветру.

Среди криков и грохота неожиданно всплыл другой звук — спокойный голос Марты во время одной из прежних тренировок.

⁂

Ночной лес.

Взрослая Марта стояла перед ним, держа за рукоять клинок, выросший из переплетённой крови.

— Смотри внимательно, Юджин. Катана Кровавой Луны. Артефакт Микасы Хикагури, моей бабушки.

— Звучит так, будто я должен бояться уже одного названия.

— Тебе полезно иногда бояться того, чего не понимаешь, — невозмутимо сказала Марта.

Она завела клинок за спину. Свободную руку подняла перед собой, сложив указательный и средний пальцы в печать.

— Нить сплетённых судеб.

Между деревьями засветились тончайшие красные нити. Их становилось всё больше. Они тянулись далеко в глубину леса, почти исчезая среди стволов.

— Это… нити?

— Если успеешь их заметить — тебе повезло, — ответила Марта.

Она опустила пальцы.

Тихий свист разрезал воздух. Мгновение деревья стояли неподвижно; затем десятки стволов одновременно распались по линии среза и начали падать.

Юджин невольно попятился.

— Ты называешь это показом? Да тут лес целиком!..

— Я называю это примером. — Марта спокойно убрала катану. — Если хочешь научиться, перестань любоваться и начни запоминать.

⁂

Пожар вернулся рывком.

Юджин стоял среди развалин, слыша, как со всех сторон приближаются новые враги.

Тогда я тоже думал, что никогда не смогу…

Он сжал кулак.

— Да плевал я на эти сомнения!

Слова вырвались резко, сквозь усталое дыхание.

— Хватит прятаться за словами «не получится». Пока я ищу оправдания, кто-то там умирает!

Он хотел поднять руку — и вдруг увидел совсем другое лицо.

Перед глазами возникло другое лицо.

Аяно.

Её последняя улыбка. Не торжественная и не героическая — просто тёплая, как будто она пыталась ободрить его до самого конца.

Юджин почувствовал, как сдавило грудь.

— Я уже потерял одну маленькую Ауру…

Он произнёс это вслух, тихо, но отчётливо.

— Я был слишком слаб, чтобы спасти её. — Он выдохнул, почти не слыша собственного голоса.

Кирин, наблюдавшая его глазами, замерла.

Кирин не видела саму Аяно — только мелькнувший в памяти Юджина образ, который она не могла прочитать целиком. Но услышанных слов оказалось достаточно.

— Юджин… — прошептала Кирин. — Выходит, рядом с нами людям тоже бывает невыносимо больно…

Он не слышал.

Он вспомнил, как Аяно улыбалась ему, а рядом с ней — другую улыбку. Маленькой Марты, сидящей на крыльце.

Маленькая Марта на крыльце.

«Я буду всех защищать!»

Юджин поднял голову.

Аяно он уже не вернёт. Но Марта пока жива в этом воспоминании. Даже если мир сопротивляется, даже если хватит сил лишь на одну попытку — это будет его выбор.

— Я знаю, ради кого сражаюсь, — сказал Юджин. — И больше не стану искать оправдания.

Он вытянул правую руку вперёд.

— Катана Кровавой Луны!

В ответ дрогнул воздух возле его раскрытой ладони.

Перед его ладонью проступили алые капли. Они не падали на землю: собирались вместе, вытягивались в кровавые нити, обвивали запястье. Из густеющей крови начала складываться рукоять, следом — длинный клинок. Багровая поверхность уплотнялась, принимая форму настоящего оружия.

Он сжал рукоять. Настоящую. Тяжёлую. Какой бы ни была эта реальность, катана ответила ему.

Катана не сделала Юджина бесстрашным. Зато впервые ему не потребовалось уверять себя, что страх исчез.

Теперь он понял: катане мало названия и силы. Она откликнулась лишь тогда, когда он наконец ясно представил, кого хочет защитить.

Рис 21.

Рис 21. Юджин призывает Катану Кровавой Луны.

Он рванул навстречу врагам.

Первый удар прорезал строй Опустошённых; вторым Юджин отбросил врага от раненой воительницы. Та попыталась заговорить, но он уже двигался дальше. И каждый взмах отдавался неприятной пустотой под рёбрами.

Несколько улиц он прошёл в непрерывных коротких схватках. Пламя помогало сдерживать противников, катана — прорубать путь. За каждый удар приходилось платить жизненной энергией; слишком быстро дыхание стало тяжёлым, а пальцы похолодели.

Он остановился у края площади.

Если потрачу остаток сил на каждый переулок, до неё не доберусь.

В памяти всплыл жест Марты. Катана за спиной. Два пальца второй руки.

Юджин опустился в полуприсед, чтобы удержать равновесие и собрать оставшиеся силы. Отвёл клинок назад и поднял свободную руку, соединив указательный и средний пальцы.

— Нить сплетённых судеб!

По площади пронеслись тонкие багровые линии.

Они возникали между обломками стен, пересекали горящие улицы, натягивались за спинами Опустошённых. На долю мгновения весь путь впереди оказался опутан красными нитями.

Юджин сделал резкое движение.

Нити сомкнулись.

Опустошённые на площади рухнули почти одновременно. Наступила тишина, такая внезапная, что Юджин услышал, как трещит огонь внутри поваленной балки.

Рис 22.

Рис 22. Нить сплетённых судеб.

Юджин покачнулся.

В правой руке тяжело лежала катана. Сердце билось слишком быстро. Дышать стало больно.

— Получилось… — Он едва поверил собственному голосу.

Несколько ударов сердца — только треск пожара. Ему даже показалось, что на этой улице снова можно услышать человеческий голос без крика.

Он ещё не успел выпрямиться, когда за углом показался Опустошённый. Другой спрыгнул с проломанной стены. Затем из дальнего переулка вышел целый строй.

— Что?.. Я же только что их уничтожил!

Но павшие не вставали. Новые Опустошённые выбегали из других проходов и других дворов, словно на каждый расчистившийся путь неизменно находилась новая волна. Юджин видел это собственными глазами: это не было воскрешением.

Он отбил новую атаку, сжёг ещё двоих. За ними возникли следующие. Небольшая передышка закончилась прежде, чем он успел перевести дух.

Он обернулся: новая группа спешила к тому самому дому, где жили дети. Не к защитницам, стоявшим у ворот, — именно к дому.

— Вам нужна не площадь, — понял он вслух. — Вы ищете Марту…

Он сделал ещё шаг и остановился. Сердце билось в висках. Колени подгибались.

— Хватит! — выкрикнула Кирин, хотя знала, что он не услышит. — Ты же уже едва стоишь!

Юджин упёрся ладонью в обугленную стену.

Он уничтожил тех, кто стоял перед ним. И всё равно не приблизился к спасению. На каждую победу ловушка отвечала новым препятствием.

Перед глазами мелькнули исчезнувшие вёдра, сад, сменившийся ночью, слова Мидзуки: «Что бы я ни меняла, события возвращались к трагедии».

Мидзуки предупреждала: внутри коде 9 действия настоящие — раны, спасённые мгновения, убитые враги. Но сама техника подстраивает события так, чтобы трагедия всё равно произошла. Юджин наконец увидел этот закон перед собой — в новых отрядах, непрерывно появлявшихся из темноты.

Неужели она будет подводить к той же беде, сколько бы раз я ни побеждал?

Уходить с площади было страшнее, чем продолжать рубить врагов: пока он сражался, ему хотя бы казалось, что он что-то меняет.

Он взглянул на катану. Жизненной энергии почти не осталось.

Я не спасу весь клан.

Он оттолкнулся от стены. Спасти весь клан у него не получится. Но отказаться искать Марту он всё равно не мог.

Но я должен найти её.

— Марта… Где же ты?.. — выдохнул он и побежал туда, где ещё стояли остатки главного здания. Теперь он вступал в бой лишь с теми, кто совсем преграждал дорогу.

Кирин наблюдала за его движениями с нарастающим ужасом.

Золкарион ушёл с докладом об особенном человеке. И оставил его расходовать здесь жизнь, зная цену коде 9. Кирин не могла отделаться от одного вопроса: допустил бы такой расчётливый Предвестник смерть Юджина по случайности?

Она вспомнила лицо Золкариона в последние секунды — необычайно спокойное. Ничего не доказывало её догадку, но забыть эту улыбку было невозможно.

Неужели он предусмотрел даже это?..

Мысль оборвалась, когда Юджин резко свернул за разрушенную арку.

Впереди открылась площадь.

И там стояла Марта.

• • •

Девочка была совсем одна.

Пепел ложился на разбитые камни. В одной руке Марта сжимала Доми — медвежонка, подаренного мамой; другой стирала со щёк слёзы. От зданий, стоявших здесь утром, остались неровные стены и горящие проёмы.

— Аканэ?.. Азуки?.. — звала она, поворачиваясь то в одну сторону, то в другую.

Она пыталась разглядеть сестёр за дымом.

— Где вы?.. — снова спросила она, уже почти шёпотом. — Я же убежала, как ты сказала…

Никто не отзывался.

Марта сделала несколько нерешительных шагов, остановилась и заплакала сильнее.

— Юджин?..

Она звала человека, который подал ей руку в солнечном переулке, носил с ней воду и слушал её мечты. Сейчас ей хотелось только, чтобы кто-нибудь знакомый ответил.

— Юджин! Ты где?..

Она не видела его.

Но Юджин увидел её.

Юджин увидел маленькую фигурку в центре площади. Медвежонок у её груди казался крошечным пятном среди огромных, обугленных стен.

На одно мгновение Юджин перестал различать бой вокруг. Остался только её голос — тонкий, надломленный, слишком одинокий среди этой площади.

— Марта!

Он бросился к ней.

Расстояние казалось небольшим. Всего площадь, несколько разрушенных проходов, россыпь обломков.

Юджин ускорился.

— Марта!

Катана оттягивала руку. Под ногами будто пропадала земля, по краям зрения сгущалась тьма. Он уже не чувствовал, бежит ли быстро; только заставлял себя сделать следующий шаг.

Добраться. Обнять. Увести её — хоть куда-нибудь, где нет этих криков. Пусть даже всего на минуту.

Кирин видела его глазами плачущую девочку и знала, что каждый новый шаг даётся ему тяжелее предыдущего.

— Юджин, остановись! — выкрикнула Кирин. — Ты на пределе! Ты же не слышишь меня…

Он ускорился.

— Пожалуйста, остановись! — Её голос сорвался. — Ты не выдержишь!

Даже ради воспоминания… — думала Кирин. — Он знает, что это прошлое, но всё равно пытается спасти девочку. Не ради награды. Не ради силы. Просто не может оставить её плакать одну.

Она видела, как угасают его силы, и впервые не знала, что думать о людях. Всё, что она раньше привыкла считать о них правдой, не объясняло поступка Юджина.

На миг ей вспомнилось спокойное лицо Золкариона. Он ведь хотел донести до Эрема сведения о Юджине. Неужели не предусмотрел, чем здесь может закончиться его ловушка?

Нет… Если это правда, то…

Она не успела закончить мысль.

Юджин споткнулся, едва удержался — и продолжил бежать. Он уже ничего не рассчитывал. Только смотрел туда, где среди развалин стояла Марта.

Он вспомнил, как маленькая Марта впервые протянула ему руку между двумя солнечными зданиями.

«Ты идёшь?»

Тогда он смог взять её ладонь.

Сейчас — ещё нет.

И всё же Юджин сделал ещё шаг. Не потому, что верил в победу, а потому, что видел Марту.

— МАРТА!

Девочка всё так же плакала, прижимая медвежонка к груди. Она не замечала человека, который бежал к ней сквозь дым и обломки.

Юджин вытянул к ней свободную руку. До её ладони оставалось ещё слишком далеко.

Рис 23.

Рис 23. Не дотянуться до Марты.

Перед глазами поплыли тёмные пятна. Крики исчезли, словно кто-то закрыл дверь между ним и площадью.

Ноги подломились. Юджин упал, так и не успев коснуться девочки.

Последним он увидел не пламя и не разрушенные дома. Память принесла другой день.

Солнечный сад.

Ступени крыльца.

Маленькая Марта на ступенях, весело болтающая ногами.

Её счастливая улыбка.

«Прости, Марта… И тебя я не смог спасти».